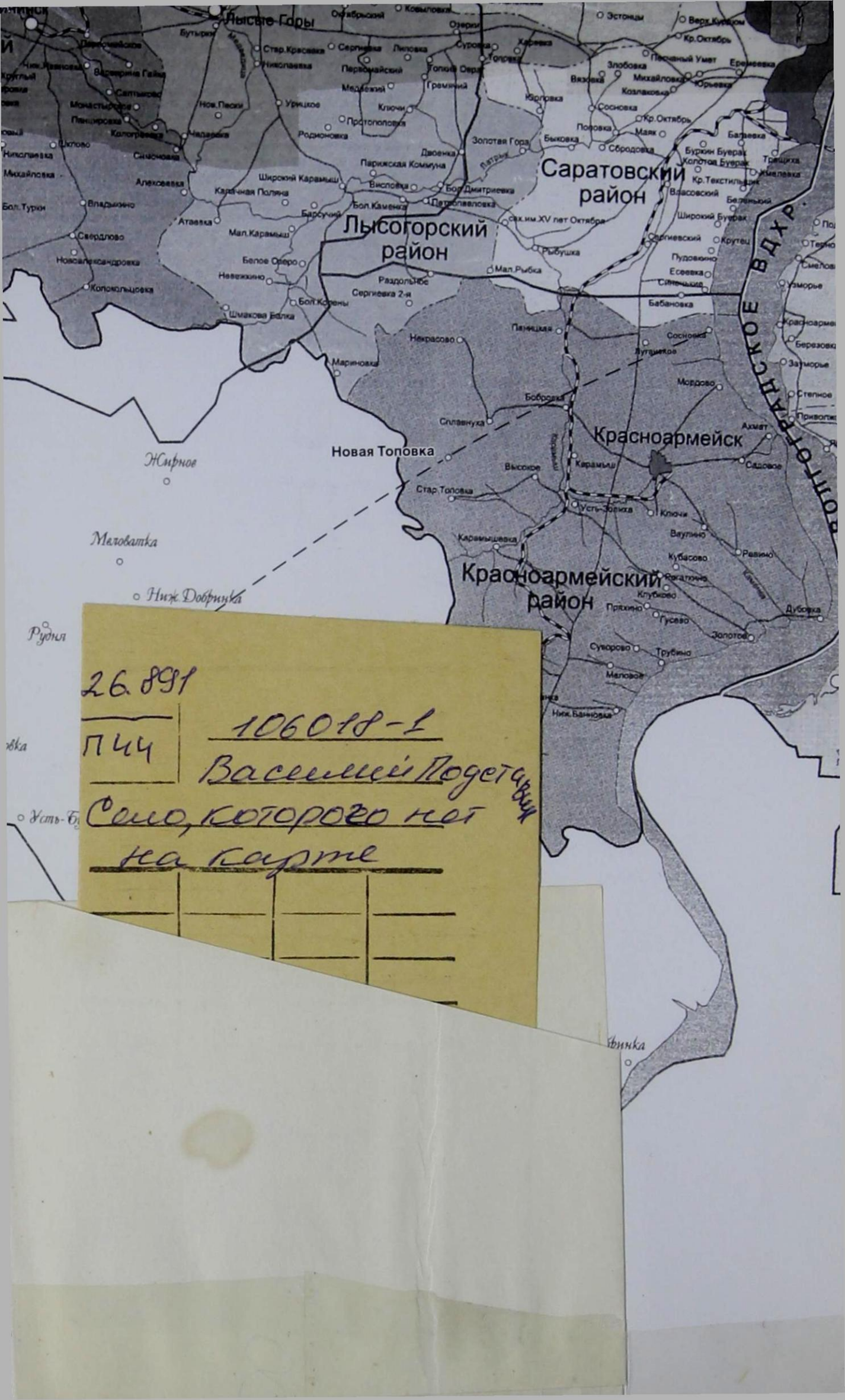

6891
144

Село, которого нет на карте

26.891

ПЧЧ

106018-1

Васемей Подетачки

Село, которого нет
на карте

05

26.891

1744

Васиный Подставин

Село, которого нет на карте

106018 - 1 ✓

САРАТОВСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Центральная
городская библиотека

Саратов
ООО "Приволжское издательство"
2006

УДК 908(470,44)+929
ББК 26,89(235,54)
П 44

Подставин В.В.

П 44 Село, которого нет на карте. Рассказы, статьи, заметки. —
Саратов: ООО "Приволжское изд-во", 2006. — 72 с.

ISBN 5-7633-0926-x

Автор, уроженец села Новая Топовка Красноармейского района Саратовской области, с грустью рассказывает в своей книге, как перестало существовать его родное село; с теплотой вспоминает свои детские и школьные годы говорит о значимости спорта в жизни человека и предлагает свои пути преобразования физического воспитания в школьной программе.

В своих рассказах, статьях, заметках В.В. Подставин показывает, как изменились мировоззрение и идеалы людей, государственное устройство; размышляет о том, что же происходит в стране.

Для широкого круга читателей.

УДК 908(470,44)+929
ББК 26,89(235,54)

ISBN 5-7633-0926-x

© Подставин В.В., 2006
© Коновалов А.Г., оформление, 2006
© ООО "Приволжское издательство", 2006

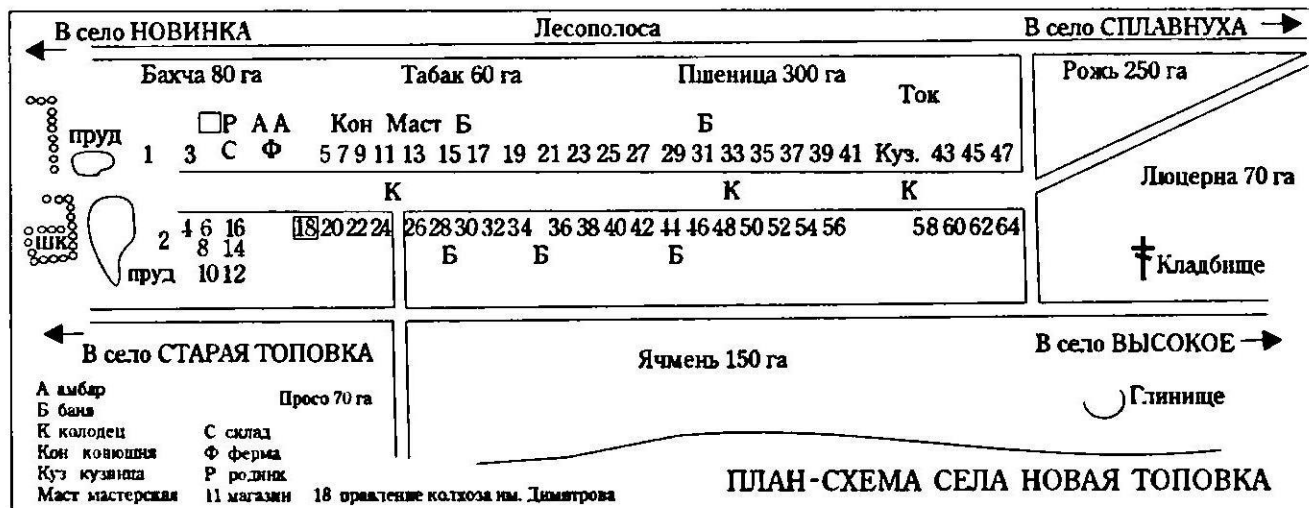
ИСТОРИЯ СЕЛА НОВАЯ ТОПОВКА И ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Пофамильная запись жителей села Новая Топовка (с указанием номеров домов)

- № 1. Варлашова Акулина, сын Федор + Катя: Сергей, Енька, Владимир, Александр, /Катя/.
- № 3. Удалов Кузьма + Парася, сын Владимир + Катя: Зоя, Земфира, /Слава/, /Рита/, Надежда Кузьминична — Заслуженный учитель России.
- № 5. Худяков Иосиф + Мария: /Павел/, /Елена/, /Ганя/, /Паша/, /Тоня/.
- № 7. Кручинин Петр + Мария: Анна, Владимир, Павел.
- № 9. Кочнева Настя, /Лиза/, Анна Сергеевна, Петр.
- № 11. Магазин.
- № 13. Баландин /Балаш/ + Фрося: /Танюшка/, Вера + Гавриков Иван Романович: Толя, Валентин.
- № 15. Удалова Дарья, сын Александр + Дуся: Анна, Катя, /Петя/.
- № 17. Кочнева Настя: Анна, Мария, Клава, Виктор.
- № 19. Сорокина Настя: Василий, Анна.
- № 21. Удалова Елена, дочь Мария, внук Шурка.
- № 23. Подставина Дарья, /Вера/, Дуся, Мария, Валя, Василий, Володя, Павлик.
- № 25. Подставина Лукерья Маркеловна.
- № 27. Удалов Александр + Анна: Вера, Зоя, Павел, /Людмила/.
- № 29. Подставина Склетия: Анна Михайловна, Иван.
- № 31. Субботина Поля: Сергей, Иван, Василий, Тоня.
- № 33. Рыжков Степан Петрович + Лиза: /Сергей/, Петр, Саша, Иван, Василий, Валерий.
- № 35. Чукалин Степан + Вера: Шурка, /Иван/, Валя, Надя, Нина, Рая, Галя, Анна — 9 детей.

/Катя/ - учитывается в другой семье или дата рождения позже 1951 года.

- № 37. Удалов Егор + Татьяна: Наташа.
 № 39. Худякова Екатерина Кондратьевна: Сергей, Владимир.
 № 41. Емельянов Иван Петрович — председатель колхоза + Елена Иосифовна: Иван, Владимир, Александр, Петр, Вера, Лида, Надя.
 № 43. Удалова Мария Васильевна, сестра Надя: Мотя, /Елена/, Василий.
 № 45. Власов Александр + Ганя: Анна; сын Владимир + Танюшка: Лида, Сашка, /Наташа/, Петр.
 № 47. Кручинин Тимофей + Евдокия: Сергей, Володя, /Виктор/, Вера, Валя, Надя.
 № 2. Кочнева Дуня, дочь Вера Степановна.
 № 4. Подставина Паша, Татьяна, внук Иосиф Семенович.
 № 6. Субботина Паша, Анна, Сашка.
 № 8. Наташа Власова.
 № 10. Удалова Татьяна, Виктор, Иван, Василий, /Вера/.
 № 12. Рыжкова Груня, Вера.
 № 14. Кочнева Анна Ивановна, сестра Ольга.
 № 16. Кочнев Ефим + Евдокия: Вера, Анна, Василий.
 № 18. Правление колхоза имени Георгия Димитрова.
 № 20. Власов Федот + Мария: Михаил, Мария.
 № 22. Хохлова Мария, Николай, Анатолий.
 № 24. Кочнев Петр Васильевич + Татьяна: /Мария/, /Дуся/, Анна, Саша, Петр, Ванёка.
 № 26. Фриц + Виктор, Надя, Клава.
 № 28. Кочнева Варя /мать колхоза/, дочь Анна, Валя, Сашка.
 № 30. Гвоздев Иван Никитович + Ольга: Мария, Надя, Катя, /Павел/, Иван, Василий, Владимир, Петр.
 № 32. Кривошеев Иван Григорьевич + Мария Кондратьевна: Анна, /Надежда/, /Вера/, Валентина, Лида, Иван, Владимир.
 № 34. Подставина Настя, Алексей, Миша, Вера.
 № 36. Удалов Василий Васильевич + Матрена: /Вера/, Маша, сын Петр + Анна: Зоя, Владимир.
 № 38. Сорокина Маша, Татьяна Степанок.
 № 40. Власова Анна Егоровна: Владимир, Катя, /Юра/.
 № 42. Рыжков Сергей Степанович + Вера Ивановна: Тамара, /Петр/, Борис, Илья.
 № 44. Варлашова Мария Захаровна: Анна, Катя, Василий.
 № 46. Власов Петр Александрович + Поля: Валя, Василий, Владимир.
 № 48. Худякова Вера, Василий, Надя, сын Иван + Вера: Владимир, Лида, /Людмила/.
 № 50. Власов Николай Александрович + Анна Егоровна: Вера, Василиса, /Георгий/.
 № 52. Варлашова Дуняша, сын Петр Захарович + Надежда Ивановна: Анатолий, Виктор, Валя, Людмила.
 № 54. Кочнева Ганна, сын Сергей Александрович.
 № 56. Зайцева Шура, дочь Анна + Павел Иванович.
 № 58. Чукалина Мария Ивановна, Валентина Ивановна, Егор, Владимир.
 № 60. Рыжков Николай Иванович /бригадир полеводческой бригады/ + Вера Васильевна: Надя, Катя, Иван.
 № 62. Рыжков Иван Сергеевич + Дуня: Мария, Анна, Вера, Надя, Александр.
 № 64. Кочнев Степан + Анка: Иван, Виктор.

Село Новая Топовка образовалось в 1843 году, когда часть крестьян из села Старая Топовка переселилась на новое местожительство — на северную опушку леса. Оно протянулось на 5 км. Название "Топовка" происходит от слова "топь", то есть изобилие родниковой воды делает землю зыбкой, топкой, болотистой. Здесь, на границе водораздела Саратовской и Волгоградской областей, заканчивается Приволжская возвышенность, покрытая дубовым лесом, и переходит в увалы, с которых сбегает многочисленные ручейки, образующие реку Голый Карамыш, которая впадает в Медведицу, а та, в свою очередь, несет свои чистые воды в Дон. Вблизи речушек, которые образуются от обилия родниковой воды, и поселились жители сел Старая Топовка, Бауэра, Гримм (поселок Каменский), Высокое (Гололобовка), Гукк (Сплавнуха).

На востоке у родниковых вод образовалось село Высокое (Гололобовка), а на севере родники дали речку Сплавная, где и образовалось село Гукк (Сплавнуха). На юго-западе уже другие ручейки образуют реку Иловля, на которой и по сей день расположены села Первомайское, Елшанка, Каменка. Такой запас пресной родниковой воды всего лишь в радиусе 15 км! Весь тот дубовый лес с примесью березы, осины и липы, шириною до 5 км, тянется до Саратова, местами прерываясь, а в районе города Вольска лесной массив достигает 10 км и вплотную подходит к Волге. И когда городу Вольску создавали герб, то не случайно на нем появился медведь: в этих местах до 1780 года водились медведи. А мое родное село не доросло до статуса города и не имело герба. Цивилизация несет не только образование, но и разрушение природы. В 1967 году село перестало существовать, только графа в паспорте напоминает, что оно было на географической карте страны.

В селе проживало 242 человека — 32 мужчины и 67 женщин, 75 мальчиков и 68 девочек, полных семей было 28, в 26 домах хозяйками были женщины (10 из них были вдовами солдат Великой Отечественной войны). 10 семей носили фамилию Кочневы, 8 — Удаловы, 6 — Власовы и по 5 семей — Подставины и Рыжковы. Иван Петрович Емельянов ранее носил фамилию Рыжков. Самой большой семьей была семья у Степана Чукалина — 9 детей, 8 детей было у Ивана Никитовича Гвоздева, по 7 детей — у Ивана Григорьевича Кривошеева и Дарьи Подставиной.

Село начиналось от пруда и представляло одну улицу длиною около километра. Домов было около 70 — все деревянные и крытые тесом. Домов 10 — глинобитные и крытые соломой. Каждый дом состоял из двух комнат: в одной из них была русская печь, которую топили дубовыми ветками, заготовленными на зиму. Топили печи и "навозными дровами". Для нас, мальчишек, изготовление "навозных дров" было радостным событием. Ведь потоптать навоз на лошадях — одно удовольствие, да и съездить на лошадях за водой на пруд, чтобы увлажнить навозную массу, еще раз хорошо перемесить, затем лопатой сгладить все неровности этой навозной лепешки и ждать, когда она подсохнет. А затем железной лопатой начиналась рубка кизяков — на квадратике 20x20 см. Затем эти кизяки-квадратики переворачивали, ставили в рядки для просушки, укладывали по мере сушки в такие же кучки, а через неделю складывали в маленькие кучки, и опять через неделю — в большую башню, а затем эти навозные сухие дрова переносили в сарай.

Зимой они очень хорошо горели в русской печке, а мы, детишки, забирались на печку и, сидя в темноте, рассказывали разные истории. Печки были побелены красной краской, которая не пачкала нашу одежду.

В 2 км от села находились единственные полезные ископаемые в районе — красная глина и песок. В области, наверное, это еще никого не интересовало.

В моей памяти сохранились развалины 10 домов, а потом с каждым годом все большее количество жителей покидало свои дома, надеясь найти лучшую жизнь в других местах. И последний житель села, Василий Васильевич Удалов, один перезимовал начало 1967 года, а потом переехал в село Сплавнуха.

На другой стороне пруда было здание школы из красного кирпича, покрытое железом. В школе было четыре класса, а потом дети обучались в других селах или шли работать в колхоз. Учителей было двое, в начале 1960-х годов преподавала уже одна учительница Екатерина (фамилия и отчество неизвестны автору). До 1917 года это была усадьба барина Готовицкого. В областном архиве я нашел документ о Н.Х. Готовицком, последнем хозяине барской усадьбы в селе Новая Топовка. Привожу то, что сохранилось в архиве из заседания Землеустроительной комиссии Камышинского уезда под председательством уездного предводителя дворянства В.Н. Михалевского с участием члена уездной Землеустроительной комиссии Н.Х. Готовицкого от 25 июля 1912 года: *"На заявление Степана Федотова-Пермякова Топовского-Андреевского общества на покупку отрубов из Ляшковского-Маяческого имения Крестьянского поземельного банка Н.В. Шевалье постановили: ходатайство просителей отклонить, и еще Артема Осипова-Колотухина и Степана Федотова-Пермякова. У Коробова Егора Яковлевича и сыновей Семена и Якова имеет-*

ся 9 десятин земли и 2 отруба". Эта запись подтверждает, что моя бабушка Лукерья Маркеловна Пермякова, из села Старая Топовка, вышла замуж за моего деда Кондрата Петровича Подставина.

Усадьба состояла из двух садов. На участке 100х100 м, где, собственно, и стояла школа, был разбит парк, состоящий из аллеи могучих осин и сиреневой аллеи, где славилось дерево белой сирени. Эта белая сирень была редким экземпляром в нашем районе. Даже уже учась в средней школе села Некрасово, где мне приходилось видеть за свою жизнь самую большую по площади колонию сирени, здесь сохранился целый ряд колючих кустарников, которые ярко цвели и через 30 лет без культурной обрезки и ухода и радовали своей красотой.

В парке был верхний пруд размером 100х50 м, очень глубокий, с холодной водой. Весной лишняя вода попадала в маленький боковой пруд, оттуда — в нижний пруд, где в летний полдень пригоняли на водопой стадо коров, а некоторые женщины их тут же и доили. У этого пруда был разбит второй сад с огородом 300х300 м. Остались только декоративные деревья, кустарники, а в центре была заброшенная овощная плантация. Но там росла такая изумрудная мягкая трава, по которой мы бегали и играли, а в праздничные дни проходили народные гуляния всего села. Сразу же за школой начинался Барский лес, который тянулся до километра и переходил в осинник. От него через поле, шириною метров триста, начинался Тулаев лес, который уходил за границу Волгоградской (в то время Сталинградской) области, куда мы уже не ходили.

На юго-восток, через дорогу, которая вела в село Старая Топовка, начинался Клин, в этом лесу росла самая лучшая земляника. Через километр — вторая дорога с телефонными столбами — это телефонная связь с селом Старая Топовка. И далее — Хохлятский овраг, покрытый самым непроходимым лесом в наших краях. На восток, в сторону села Высокое, тянулся Чищеный лес. Лет двадцать назад здесь произошел пожар, и при мне он уже стал называться Верхняя гряда, где косили сено и собирали ягоды. Тут стояла деревянная башня для обзора лесов, высотой 20 м, которая считалась в Красноармейском районе наивысшей трансгуляционной точкой в 300 м. Ошиблись в 1992 году, когда село Гололобовка переименовали в село Высокое, что в 10 км от моего села.

А через поле, шириною 500 м, на север, вниз по увалу сбегает островки дубового леса, называемые нижней грядой — здесь растут самые лучшие грузди. Внизу начинались поля колхоза имени Ленина, и у одного родника располагался крытый зерновой ток и полевой стан тракторной бригады Николая Степановича Федоровского. Далее шли поля совхоза "Сплавнухинский", а на горизонте виден был лес, где уже была земля совхоза "Некрасовский". На востоке на расстоянии до 30 км видно было село Луганское, где находилась усадьба колхоза имени Молотова, его председателем был Иван Васильевич Баканов, уроженец села Старая Топовка.

И эту красоту земли своего родного края я познал рано. Я ощутил свое место во Вселенной — это когда ранним июньским утром шестнадцатилетним пареньком я вышел из села Новая Топовка, чтобы попасть домой в село Сплавнуху. Заночевал у своей родной тети Анны Ивановны Кочневой, а утром надо было идти на работу в МТС — ремонтировать комбайны. Я был штурвальным у комбайнера Ивана Васильевича Худякова. И вот я услышал гимн Советского Союза. Откуда он мог звучать, когда в селе не было электричества? Потом до меня дошло — это в 6 часов утра заиграло радио в селе Сплавнуха. Тогда во многих селах района были установлены громкоговорители в центре села. За 5 км слышалась музыка, затем диктор радио сообщил последние известия. Только потом я прочитал, что звон колоколов с церковью разносится на 15—20 км.

В начале 20-х годов прошлого столетия немцы-колонисты организовали ткацкие артели. Они привозили основу и ткацкие станки в села, которые сразу устанавливали в крестьянских избах. Женщины ткали в зимнее время, это был дополнительный доход семьи. И так продолжалось до 1950-х годов, когда из мелких артелей организовалась фабрика имени Карла Либкнехта в районном центре — в Красноармейске. Надобность ручного труда отпала, так как одна ткачиха обслуживала 10—15 станков, производство тканей возросло. Эта хлопчатобумажная ткань "патриотик" выпускалась до 1970 года, а потом на фабрике установили новое оборудование и стали выпускать махровые полотенца, халаты и другое.

Большим подспорьем для жителей села в 1926 году оказалось строительство железной дороги Саратов—Миллерово. Мужики на своих лошадях ездили за 5 км возить землю для полотна дороги. Местность изрезана оврагами, поэтому было построено много мостов, которые сохранились и до сих пор. Почему до сих пор? А потому что ее законсервировали.

Моя мать, Евдокия Ивановна, тринадцатилетней девочкой работала на этой стройке. Три года продолжались работы, но поезда так и не пошли. В основном земляные работы проводили с помощью лошадей и ручных тачек. Поднялась насыпь железнодорожного полотна, построили мос-

ты, провели телефонную линию, которая во время Великой Отечественной войны была главной правительственной линией, соединяющей с войсками Сталинградского фронта.

Рассказывает комбайнер Василий Поликарпович Петренко:

— Летом 1942 года мы косили рожь на поле в 47 га, и мне нужен был кусок проволоки. Ну где взять в чистом поле этот самый кусок? И вдруг мой взгляд остановился на проводах телефонной линии. Недолго думая, я залез на телефонный столб и снял один из 12 проводов, и комбайн опять двинулся вперед. Не прошло и часа, как появился мотоциклист с двумя автоматчиками. Они направились ко мне и спросили: не видел ли я, кто оборвал провод? Как ни трудно мне было, но признался, что проволоку снял я. Чистосердечное признание, видимо, обескуражило военных, ведь по закону военного времени я оказался вредителем — меня ждало наказание. Но связисты быстро натянули провод, пожурили меня еще немного и уехали.

Строительство железной дороги продолжалось в 1942 году, когда немцы стали подходить к Сталинграду. Военные грузы нужны были Сталинграду и шли по Волге. Единственный железнодорожный мост с востока был в Саратове, дальше груз шел через Балашов — это слишком далекий путь.

А так как железнодорожное полотно было готово до станции Паницкой, до Петрова Вала нужно было построить 140-километровую ветку. И опять жителям близлежащих сел уже в приказном порядке пришлось взять лопату и соорудить за три месяца железнодорожное полотно, рельсы и шпалы, которые предназначались для БАМа и были перевезены из Сибири, уложены на волжской земле. Сталинград сумел устоять!

Многие женщины моего села были направлены в Бобровку. Железнодорожный вокзал построили вдалеке от села, что и в настоящее время оказывает неудобства для подъезда пассажиров. Я спрашивал тетю Олю: "А бомбили ли немцы этот железнодорожный путь?" Она отвечала, что ни разу никакого налета не было. Это говорит о том, в каком секрете шла эта стройка. А когда пошли поезда, то тетя Оля оставалась в Бобровке, на строительстве оборонительных сооружений.

И опять шли земельные работы, был выполнен противотанковый ров от Бобровки до старой проселочной автомобильной дороги Саратов—Сталинград. И сейчас мы имеем возможность видеть следы окопов, рвов, пулеметных расчетов — это бетонированные круги радиусом 2 м, привезенные после войны в Сплавнуху и установленные на нефтебазе, куда сливались отработанные масла. Это был первый оборонительный вал, защищавший Саратов с юга. Там же была установлена первая батарея, а вторая — между селами Бобровка и Сплавнуха на Меловой горе (мало кому известная дорога в село Некрасово). Мальчишками ходили туда собирать гильзы. Оттуда было видно сразу и Новую Топовку, и Сплавнуху, и Бобровку, и Луганское, и Высокое, и Усть-Золиху.

Потом мать вспоминала, как через наше село зимой проходили солдаты в сторону Сталинграда. Переночуют в избе по 10 человек, а утром — опять пешком на Сталинград! А женщины работали и в доме, и в поле. Мать моя была награждена медалью "За победу над Германией". Мама гордилась, что зимой ездила в поле за соломой без варежек, руки не мерзли, и она лихо управляла лошаадьми.

Летом мама работала в лесхозе, ухаживала за молодыми деревцами в лесопосадках. А в августе ее приглашали поработать на зерновом току. Если зерно, привезенное от комбайнов, полежит день-другой, то оно "загорится". И вот женщины лопатами из бурта в бурт перелопачивали зерно. А потом появился зернопулт, который выбрасывал струю зерна на 10—15 м, и зерно проветривалось быстрее. Вечерами, после дойки коров, женщины собирались на завалинках или просто на больших камнях, специально положенных у домов. Завалинки делали из малых камней, обильно обмазанных глиной. За день камни нагревались, а вечером отдавали это оздоровительное тепло, неся женщинам и силу здоровья, и радость общения. Это я понял потом, когда однажды апрельским вечером прошел мимо кирпичного дома, и меня обдало жаром. Я остановился, отошел назад — тепла не ощутил, подошел к стене — мне вновь стало тепло. И я понял: это солнце за день нагрело кирпичную стену и после захода незримые тепловые лучи радуют нас.

В октябре рубили капусту (это потом научились разводить томаты, перец и баклажаны). Каждой семье нужно было сдать государству сельскохозяйственный налог, то есть определенное количество куриных яиц, масла и мяса. Мясо принималось и в зачет живого веса животного, поэтому мой отец занялся кролиководством. Во дворе для кроликов было вырыто две землянки, часть кроликов размещалась на чердаке дома. В основном забота о добыче корма для кроликов легла на мои плечи. Я ходил на речку и нарезал ивовые ветки — любимую еду кроликов: буквально через час от веток оставались лишь белые бустылки. И опять шел на речку рвать различную траву, приносил кроликам воду. Ведь воду носили от речки, где было три колодца. Во-

допровод в село провели лишь в начале 1960-х годов. За год я выращивал до двухсот кроликов. Осенью отец сдавал их, выполняя свою норму. Он сдавал и за своих односельчан их норму сельхозналога, за что они ему были благодарны. Если раньше шапка из овчины и кролика была в почете, то сейчас изготовлением дешевых, даже детских головных уборов, не занимаются. Головные уборы из дорогого меха стоят не менее 1000 рублей, а шкурки кроликов не принимают. Поинтересовался в "Заготконторе" — оказалось, никто в районе не принимает эту пушнину, чтобы сдать шкурку овцы или быка, надо ехать в город. Да разве мы будем жить лучше, когда не развиваем свое производство?

Помню, как мы, мальчишки, помогали матери Вовки Полякова, тете Лизе, перегонять поросят в летний лагерь на речку. В естественных условиях молодняк за лето при минимуме кормов значительно вырастал. Вечером белое стадо уток двигалось от речки на утиную ферму. Ведь утку вырастить еще проще — были бы речка или пруд.

Разве внучки тети Поли Власовой или Евдокии Удаловой не умеют ухаживать за птицей? И хотя считается, что человек самый умный на Земле, но он пассивен, ленив. В любом коллективе находится определенный процент людей, которые вообще не хотят работать. Большинство людей ждет, что кто-то организует их, даст им работу. И лишь единицы знают, как обустроить свое дело, как увидеть проблемы государственной важности. Это лидеры, вожаки! И дай Бог, чтобы этот талант организатора способствовал благородной цели, на благо всего общества! Воспитание человека не заканчивается в 17 лет, в 30 лет. Этот процесс сопровождает весь жизненный путь человека. И в 40 лет человек должен понимать, что пьяным нельзя появляться в обществе. Курить вредно не только для своего здоровья, но и для окружающих. Играть в азартные игры и смотреть телевизор, где пропагандируют низменные страсти — преступление! Индустрия торговли и рекламы переступила все пределы разумного жития человека.

И мы ждем перемен к лучшему, обращаемся к Господу Богу. Но он от нас далеко, а вот воспитать нового человека трудно, но можно! И Он придет, и мы будем жить по Закону Человека разумного, а не по законам волчьей стаи!

Добавлю фамилии моих односельчан, которые уехали раньше нас из Топовки в Сплавнуху, но оставили след в моей памяти. Это Николай Алексеевич Субботин и его брат Порфирий — знатные хлеборобы, Андрей Григорьевич Удалов, Иван Иванович Худяков и его брат Николай, Василий Никитович Подставин и его брат Иван. С детьми из этих семей прошли мои детские годы. Вскоре Иван Никитович с семьей перебрался в Москву, и мы тайком завидовали его детям, что они живут в столице. Василий Иванович Удалов был на войне, в село уже не вернулся и продолжал службу в рядах Вооруженных Сил, затем ушел в запас подполковником Советской Армии. Мы, мальчишки, с нетерпением ждали приезда его семьи в отпуск. У него первого из односельчан появилась машина марки "Москвич-401", и мы ждали, когда можно прокатиться на ней. И ждали его сына Юрку — нашего одноклассника, а потом Юрий Васильевич работал в орготделе Красноармейского горкома партии. Разгром КПСС, устроенный Ельциным, больно отразился и не только на простых коммунистах. Кажется, жить бы да жить бывшему руководству районной власти, ан нет!

Они, мои сверстники, с которыми я строил коммунизм, потрясенные перестройкой, не дожили даже до своей заслуженной пенсии. Со слов моих родителей, многие уже в 1930-е годы стали покидать свое родное село, и только при встречах своих земляков, узнаю, что новотоповцы проживают до сих пор в Алма-Ате, Тбилиси, Краснодаре, Нижнем Новгороде. В поисках хлеба и моя мама, девчонкой, вместе со своим отцом, конечно, побывала в Тамбовской области, в Тетюшах. Заработав мешок зерна, возвращалась в село, где ее ждали мать и сестра-инвалид Анна.

Ближайшая железнодорожная станция Медведицкий, это в 30 км по линии Камышин—Балашов, а летом до Саратова можно доехать паромом от пристани села Сосновка — это также 30-километровый путь. Это было большое событие для села, если кто-то из односельчан собирался в город, говорили за неделю до отъезда. С нетерпением ждали его возвращения, и не столько подарков, сколько его рассказов о жизни в городе.

А сейчас можно съездить в Москву, и сосед даже не узнает, что побывал в столице.

Житейским опытом и современной наукой доказано, что для нормальной жизнедеятельности человека на год нужно 1000 кг зерна.

В нашем селе Новая Топовка проживало 242 человека, и в колхозе имени Димитрова насчитывалось 1000 га земли. На южной окраине села находилось поле — 150 га каменистой почвы, на западе сразу начинался лес. На север Сталинградской области уходили поля с песчаной почвой.

и только на востоке были поля с хорошим черноземом — около 500 га. Из них 80 га под люцерной, остальное засевалось пшеницей, рожью и просом. Гектаров 100 отводилось под подсолнечник, еще 100 га — под бахчи и на 70 га выращивали табак. Урожай в 100 пудов считался отличным показателем в нашем регионе, к нему стремились и при достижении этого результата получали государственные награды. При закрытой информации для населения, средняя урожайность была в пределах 7—8 ц. А так как Поволжье считается зоной рискованного земледелия, то в колхозе должен быть двухгодичный запас зерновых под посев. 400 кг зерна умножить на 1000 га — получается 400 000 кг зерна.

В колхозе имелось 4 амбара, где могли хранить 100 000 кг зерна и отдать на трудодень около 300 000 кг. А это означало, что при средней численности семьи из 5 человек в дом должны завести 100 мешков зерна, но я не видел, чтобы в одну семью завозили больше 10—15 мешков зерна. Значит, до 70% зерна забирало государство, сюда входило обслуживание по договору Сплавнухинской МТС колхозов тракторами и комбайнами во время уборочных работ.

Только сейчас мы осознали, что в артели, в общине человек не пропадет, всегда будет обеспечен и не пойдет нищим по миру. Ведь на плохой, каменистой земле, которая досталась при дележке крестьянину-единоличнику, как ни трудись, богатым не станешь. А в артели, если на этом поле неурожай, на другом поле все равно с зерном будем.

Для нас, мальчишек, было большим праздником начало уборки зерновых. Мы выходили далеко за околицу села встречать прицепной комбайн, который из Сплавнухинской МТС направлялся в наш колхоз. Таскали комбайн два колесных трактора У-1. Затем в начале 1950-х годов появились гусеничные трактора, уже один трактор "Нати" брал на прицеп комбайн. Бункер комбайна вмещал 2 т зерна, которое на крытый ток возили конные бестарки. Бестарка — подвода, на которой установлен деревянный ящик, куда насыпалось менее тонны зерна, и поэтому, когда комбайн работал на дальнем поле, в перевозку зерна на ток включались по 4-5 возчиков на бестарках.

На току зерно с помощью веялок, которые вручную крутили женщины, просеивалось, затаривалось в мешки и ночью на лошадях его отправляли в Сосновку на сдачу государству.

Большой удачей для председателя колхоза считалось, если директор МТС присылал на день другой грузовую машину, которая делала несколько рейсов в Сосновку. Так продолжалось до 1955 года, когда в Бобровке открылся элеватор.

Забавный случай произошел со мной летом, когда приехала машина. Мы, мальчишки, всегда стремились догнать машину и немного прокатиться, потом на скорости прыгнуть с машины, а то неизвестно куда увезет. Догнать-то я догнал, да вот шофер развил приличную скорость, а прыгать надо. Я осторожно достал землю ногами, надо было еще пробежать, и потом отпустить кузов. Я сразу оторвался от машины, но не удержал равновесия — упал на землю и, естественно, ободрал колени в кровь. Надо было что-то говорить бабушке Луше, и я в первый и последний раз соврал: сказал, что меня так толкнул Шурка Чукалин. Бабушка незамедлительно отправилась искать моего "обидчика", нашла Шурку и стала его ругать. А он в ответ: "Бабушка Луша, это Васек прицепился за машину и упал". Вот так рано в жизни я познал, что врать нехорошо, и больше в жизни никого не обманывал.

Оставшееся в колхозе зерно делили по трудодням, и его снова на подводах отправляли на мельницу в село Некрасово. До сих пор не могу забыть запах домашнего хлеба. А какой вкус пшеницы от первых сорванных колосков! Колоски пшеницы растирались в ладонях, потом провеивались на ветру, и спелые золотистые зерна клались в рот. Пожужь 2—3 минуты и чувствуешь во рту комочек теста — это клейковина. Пшеница хороших сортов напоминает жвачку, но эта жевательная клейковина получше американской жвачки. А какая каша из цельной пшеницы — вообще не поддается описанию!

На трудодень выдавали 2—3 кг зерна (зарплату платили в виде зерна), а надо было 10 кг. Давали еще литров 10 подсолнечного масла, солому и предоставляли лошадей для перевозки сена, заготовки дров и уборки овощей. Каждое воскресенье ездили на лошадях на базар в город Красноармейск, куда везли яйца, масло, молоко, а зимой — мясо, муку, зерно, шерсть. Это были реальные деньги, на которые можно было купить обновку в школу.

Надо знать, что зерно общей массой измерялось при приемке от комбайнов, а женщины на току с помощью веялок отчищали зерно от сорняков.

Помню зимние вечера: при свете керосиновой лампы тетя Анна и тетя Оля перебирают зерно. Это бригадир Николай Рыжков привез 3 мешка пшеницы, а через неделю приедет и заберет уже 2 мешка откалиброванной посевной пшеницы. Эти крупные отобранные зерна и послужат исходным семенем для будущего урожая.

Уже лет через 20 будут привозить элитные семена пшеницы, выращенные недалеко от Топовки, но на сельскохозяйственной экспериментальной станции и по дорогой цене. А самые лучшие семена — опробованные на этой почве и приспособленные к здешнему климату.

Помню, как тетя Оля утром выгребала золу из печи и несла ведро золы на околицу села, в сарай, а потом на санях ехали на поле и рассыпали на снегу как удобрение. Спустя несколько лет был массовый завоз минеральных удобрений, и где просыпалась куча белого порошка, долго ничего не росло.

А по весне стали прилетать самолеты и уже с воздуха опылять поле, и все ждали большого урожая. И вот за 60 лет на моей памяти и пришел этот незабываемый год, которому предшествовал 1972 год. Выгорели все зерновые, урожай картофеля со ста мешков уменьшился до двух—трех, и поэтому все поехали в Белоруссию, в Брянскую область, где всегда бульба родилась.

Привезли не только картофель — на другое лето появился колорадский жук. Вот так, без единого выстрела Америка подорвала нашу экономику.

Видимо, природа в 1973 году решила вознаградить человека за тот засушливый год. Выдалась ранняя весна — уже 30 марта начались полевые работы — на две недели раньше обычного посева зерновых. А в мае всегда начинается суховей, который влияет на увеличение процента клейковины в пшенице. В связи с чем и славится саратовский калач.

Если в 1956 году Саратовская область была награждена орденом Ленина за сбор 100 млн. пудов зерна, то в 1973 году область собрала 307 млн. пудов зерна. В Саратов приехал Л.И. Брежнев, чтобы отметить успехи хлеборобов.

На железнодорожном разъезде села Бобровка работал хлебоприемный пункт, но зерна было так много, что его стали ссыпать на землю и делать бурты, высотой с дома, а потом машинами вывозили в овраг сгнившее зерно. И только тогда стали сооружать настоящий элеватор, на который стали привозить хлеб из Волгоградской области.

Осенью срезали табак, связывали его в веники и развешивали под навес на конном дворе. И когда табак подсыхал, его также везли на сдачу государству. Выращивали дыни, арбузы, тыквы, но только для рабочих Сплавнухинской МТС, за пределы района не вывозили. На базар отправляли раза два-три. В колхозе имелось стадо до 50 коров. Вечером доярки ставили бидоны с молоком в колоды — это емкость, куда из родника поступала вода, чтобы молоко не прокисло до утра. А утром еще надоят два-три бидона молока и на быках везут 6—7 бидонов в село Сплавнуха, за 5 км, на сырзавод.

Нетрудно подсчитать, какую прибыль имел колхоз за сданную государству сельскохозяйственную продукцию. Если выразить это в денежном исчислении — смех, удивление и, главное, разочарование в труде. И поэтому руководители государства поступили мудро, решив перевести оплату колхозников натурально — согласно выработанных трудодней.

Рядом были земли совхоза "Сплавнухинский", "Некрасовский", где за свой труд люди получали деньги. Но жили ли они лучше? Да и могли бы лучше жить мои односельчане? Нет! Землякормилица и так отдавала все, что могла. Как парадоксально, что во всем мире сельское хозяйство нерентабельно: выращивая, мы сразу же все проедаем.

Фермер или единоличник, но труженики села во всех странах пользуются поддержкой государства. С 1966 года труд колхозника тоже стал оплачиваться рублем. Государство понимало, что пора вернуть селу долги, при помощи которых оно когда-то сумело построить великую державу. Заработная плата на селе не отличалась от зарплаты рабочих в городах, а в иной год даже превышала ее.

В начале 1970-х годов каждому сельскому жителю предложили построить дом с рассрочкой оплаты на 50 лет, с уплатой 6 рублей в месяц. Когда квартплата в месяц составляла 1,7—2 рубля, и дом считался собственным. На селе развернулось невиданное культурное строительство. В нашем Красноармейском районе Саратовской области во всех 30 населенных пунктах были построены школы, современные Дома культуры. Все села были газифицированы и соединены асфальтированными дорогами с райцентром. Обычно русский человек верит сказкам, и поверил, что на западе жизнь лучше, нам не хватает демократии. Но нашлись горе-экономисты, которые прошли стажировку в Америке и направили Россию на рыночный курс. Раньше с колхозом заключался договор (выгодный или невыгодный — говорить сейчас не будем), где указывалось, сколько надо было сдать по плану зерна, мяса, молока. А сейчас с моими односельчанами не то, что на 5 лет, даже на год не хотят заключить договор на закупку сельскохозяйственной продукции. Опять сельский житель остался один на один на этой Земле! Мой земляк прокормится у себя в селе, но меня, городского жителя, кто накормит? Вот приходится закупать "ножки буша",

картофель везем из Польши, баранину — из Австралии, табачок покупаем в Средней Азии, а яблоки надо опять рассаживать и ждать урожай.

Это Горбачев в 1987 году разрешил кооперативам работать. Но, позвольте, разве на селе не было кооперации? Все прекрасно помнят СЕЛЬПО — сельское потребительское общество. Да, они существовали и при царе-батюшке. Вся торговля на селе шла через СЕЛЬПО. Но наценка на товары была не более 2%!!! Если мне не изменяет память, на хрусталь разрешали поднимать цену на 20%. И, представьте себе, на эти 2% в каждом селе были построены новые магазины, у нас в селе — три, построена хлебопекарня, и хлеб считался лучшим в районе.

В марте собиралось общее собрание пайщиков, у каждого была паевая книжка, на которую начислялось 15—20 рублей годовой прибыли. В клуб привозили много пива, а вечером было бесплатное кино.

Сейчас в России много акционерных обществ. Кто получает дивиденды от таких накрученных законом прибылей? И эти законы приняты новыми демократами во благо кого? О какой демократии можно говорить в России, когда новые законы приняты в угоду малой кучки олигархов. Но это уже другая тема разговора, о ней в другой заметке!

Кочнева Прасковья

Кочнев Иван Федорович,
солдат русской армии, 1914 г.